

ЧЁРНЫЙ ЛЕС ПОМНИТ

СТИВЕН ХАРТМАН

18+

Стивен Хартман

Чёрный лес помнит

«Автор»

2026

Хартман С.

Чёрный лес помнит / С. Хартман — «Автор», 2026

Чёрный лес помнит всё. И он пришёл за долгом. Когда в деревне Вереск начинают гибнуть животные, а из чащи доносится голос пропавшего отца, юный травник Элиан Вейр понимает: древний договор его рода пробудился. Один из Вейров должен стать хранителем — живой границей между людьми и голодом леса. Но право это передаётся только добровольно, и на него уже претендует безжалостный северный лорд. Элиану предстоит спуститься в подземелья крепости, пройти через мёртвую воду и долину, где время застыло, — и узнать страшную правду: его предки спасали деревни, отдавая лесу чужие жизни. Теперь выбор за ним. Принять силу — и потерять собственную память. Отказаться — и лес заберёт всех, кого он любит. «Чёрный лес помнит» — это мрачное фэнтези о цене дара, границе между человеком и природой и о том, что некоторые договоры нельзя разорвать, не заплатив собой.

© Хартман С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Голос за порогом	5
ГЛАВА 2. Ладонь и корни	11
ГЛАВА 3. Отцовский сундук	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Чёрный лес помнит

ГЛАВА 1. Голос за порогом

В тот год поздняя осень пришла без дождя.

Земля затвердела коркой, будто за ночь её обожгли снизу. По утрам на траве лежал серый иней, а к полудню он не таял, только становился прозрачнее и показывал под собой мёртвые стебли. Ветер шёл с севера, тянул за собой запах дыма, хвои и чего-то гнилого, что никак не удавалось найти.

Элиан Вейр заметил неладное на третьей неделе холодов.

Сначала заболели кролики.

Они жили в плетёных клетках за домом старухи Ренн, которая каждую весну продавала соседям молодняк. Утром Элиан принёс ей сушёную полынь и корень горечавки, а заодно заглянул в сарай. Кролики сидели тесно, прижавшись друг к другу. Ни один не двигался.

— Корм свежий, — сказала старуха, стоя в дверях. — Вода тоже. Я сама из колодца набирала.

Элиан взял одного зверька на руки.

Кролик был тёплым, но тело его дрожало так мелко, что дрожь переходила в пальцы. Глаза оставались открытыми. В них не было ни мутной плёнки, ни воспаления. Только ужас — бесшумный, неподвижный, застывший в чёрных зрачках.

И вдруг Элиан почувствовал боль.

Она пришла не в руку и не в грудь, а будто разом охватила каждую кость. Внутри кролика что-то тянулось, рвалось, уходило глубже. Он ощутил холод земли, тяжесть мокрых корней, беззвучный хруст — и ещё чужое, огромное терпение, от которого стало трудно дышать.

Элиан выронил зверька на подстилку.

— Что с тобой? — спросила Ренн.

Он не ответил. Прижал ладонь ко рту и вышел наружу.

За сараем его вырвало жёлчью.

Когда он вернулся, кролики уже не дрожали. Они просто сидели, уставившись в одну точку, словно слушали что-то под полом.

Вечером Элиан рассказал обо всём наставнику.

Старый травник Мартен выслушал его, не поднимая головы от ступки. Он растирал сушёные листья мать-и-мачехи, добавлял к ним соль и время от времени подносил смесь к носу.

— Ты видел боль или придумал её? — спросил он.

— Видел.

— Боль нельзя увидеть.

— Тогда почувствовал.

— Это ещё хуже.

Мартен отложил пестик. Его руки были в трещинах, ногти почернели от травяного сока.

— Животные болеют, Элиан. От сырости, от дурного корма, от паразитов. У каждой хвори есть причина.

— У этих нет.

— Причина есть всегда. Просто иногда она прячется лучше, чем нам хотелось бы.

Элиан промолчал.

Он знал, что наставник прав. Вода могла принести лихорадку, испорченное зерно — судороги, плесень — кашель и кровь. Мартен посвятил этому всю жизнь и не оставлял болезни ни единой щели для чудес.

Но с тех пор боль стала приходить снова.

На следующий день в овраге Элиан нашёл лису. Она лежала среди папоротников, ещё живая. Задняя лапа не была сломана, шкура оставалась целой, но зверь не мог подняться. Когда юноша коснулся её, перед глазами потемнело.

Лиса чувствовала, как под кожей двигается лес.

Не корни — что-то похожее на корни. Тонкие, холодные нити оплетали мышцы и тянулись от лапы к животу. Там они исчезали, уходя глубже, в тёмное место, где не было ни крови, ни костей, а только вязкое ожидание.

Элиан отдёргнул руку.

Лиса оскалилась. Она не пыталась укусить его. Просто не хотела, чтобы он снова прикоснулся.

Он оставил возле неё кусок мяса и ушёл.

Через два часа зверь пропал. На влажной земле остался след — четыре отпечатка лап и длинная борозда, будто лису тащили за собой.

К вечеру заболела собака мельника.

Потом в лесу завывали волки.

Они выли не на луну. Луна была тонкой, белой, едва заметной над тучами. Волки тянули голоса из чащи, и в этих звуках Элиан слышал не голод и не охоту, а просьбу, которую никто не умел перевести.

Мартен велел ему больше не ходить за околицу.

— Если зверь ранен, ты поможешь. Если не знаешь причины, не лезь. Невежество иногда спасает жизнь.

— Чью?

— Твою для начала.

В тот вечер наставник впервые запер дверь своей лечебницы до наступления темноты.

Элиан заметил это, но ничего не спросил.

Дом Вейров стоял на краю Вереска, последним перед полями. Дальше начиналась низкая поросль, а за ней — Чёрный лес. От деревни его отделяла полоса пустоши, заросшая вереском и можжевельником. В ясную погоду стволы были видны из окна: тёмные, тесные, прямые, будто лес сам себя строил.

Отец Элиана не любил, когда на чащу смотрели после заката.

— Там нечего видеть, — говорил он.

Это было странно: лес он знал лучше всех. Мог по запаху определить, где недавно прошёл кабан, находил родники под снегом, различал следы куницы и лесной кошки. Но к сумеркам отец всегда возвращался домой, даже если оставлял в чаще капканы или недособранные травы.

Три года назад он ушёл за корой чёрной ольхи и не вернулся.

Первые дни его искали всей деревней. Потом искали только братья углежогов. Ещё через неделю люди перестали произносить его имя при матери. Словно имя могло услышать дорогу и вернуть того, кто по ней ушёл.

Тело не нашли.

Мать не позволяла Элиану говорить, что отец пропал.

— Он не вернулся, — поправляла она. — Это не одно и то же.

В тот вечер она варила похлёбку из репы и сушёных грибов. В печи потрескивали дрова. На столе лежал нож, которым она чистила овощи, — короткий, с зазубренным лезвием. Мать держала его в руке дольше, чем требовалось.

— Ты опять ходил к лесу? — спросила она.

— К оврагу.

— Это почти одно и то же.

— Лиса была больна.

— Лисы не ходят к людям за помощью.

— Я её не звал.

Мать положила нож рядом с доской. Посмотрела на него, потом на дверь.

— В следующий раз не трогай.

— Почему?

Она сняла с огня котелок. От пара её лицо стало влажным, но сама она будто не чувствовала жара.

— Потому что я так сказала.

Элиан не стал спорить. Мать редко повышала голос. Ей не требовалось. В её молчании было больше запрета, чем в чужом крике.

Они поели почти без слов.

За стеной кто-то прошёл по дороге. Послышались шаги, скрип телеги, короткий кашель. Мать вздрогнула и сжала ложку так, что побелели пальцы.

— Кто там? — спросил Элиан.

— Никого.

— Я слышал телегу.

— Это ветер.

Он посмотрел на неё.

Мать всегда выглядела моложе своих лет, но в последние месяцы будто разом постарела. Волосы у висков поседели, плечи опустились. После исчезновения мужа она почти не спала. Иногда Элиан просыпался ночью и видел, как она сидит у окна, не зажигая свечи. В темноте её лицо казалось вырезанным из дерева.

Он хотел спросить, что случилось с отцом на самом деле.

Не спросил.

Снаружи раздался тихий удар.

Будто кто-то коснулся двери ладонью.

Мать вскочила.

Ложка звякнула о край миски. Она схватила нож, пересекла кухню и задвинула засов. Потом проверила его ещё раз, обеими руками.

— Мама.

— Тише.

Удар повторился.

На этот раз он пришёлся ниже, у самой земли.

Элиан поднялся. Через щель между ставнями виднелся двор. Там не было человека. Только тёмный колодец, навес и чёрная полоса леса за пустошью.

— Это, наверное, ветка, — сказал он.

— Здесь нет веток.

Мать говорила шёпотом.

Элиан подошёл к окну. Стекло запотело изнутри, и он протёр его рукавом. Вдалеке, у первых деревьев, что-то белело. Сначала он решил, что это берёзовый ствол. Потом белое пятно шевельнулось.

Олень.

Животное стояло на краю пустоши, опустив голову. Рога казались слишком большими для его тела. Между ветвями на них висели длинные тёмные пряди — не мох, не трава. Олень поднял морду и посмотрел прямо на дом.

Элиан почувствовал боль ещё до того, как зверь сделал шаг.

Она ударила изнутри, разом и без предупреждения. Под рёбрами словно распустился ледяной цветок. В горле появился вкус сырой земли.

Олень качнулся.

Из его груди донёсся хрип.

— Не подходи к окну, — сказала мать.

Элиан не отступил.

В голове возник образ: лесная низина, чёрная вода, копыта, увязшие в грязи. Что-то держало зверя снизу. Тянуло, но не убивало. Хотело, чтобы он шёл.

Олень поднял ногу и поставил её на пустошь.

Мать схватилась за край шерстяного покрывала и задёрнула его так резко, что кольца на карнизе заскрежетали.

— Что ты делаешь?

— Ложись спать.

— Там олень.

— Я знаю.

— Он ранен.

— Я знаю.

— Тогда почему мы не поможем ему?

Мать обернулась.

В её лице было такое выражение, какого Элиан не видел никогда. Не страх даже — страх предполагает, что у человека ещё есть выбор. Здесь выбора не осталось. Только память о том, что уже произошло и может повториться.

— Потому что он пришёл не за помощью.

— Откуда ты знаешь?

Она не ответила.

Снаружи олень ударил копытом в землю. Затем ещё раз.

Пёс мельника, тот самый, который заболел утром, вдруг залаял в соседнем дворе. Лай оборвался на середине. Ему ответил другой пёс, потом третий. Через несколько мгновений весь Вереск наполнился беспорядочным воем.

И поверх этого воя Элиан услышал голос.

— Элиан.

Он застыл.

Голос пришёл не с улицы и не из-за двери. Он прозвучал рядом, у самого уха, так ясно, словно отец стоял за его плечом.

— Элиан, открой.

Мать закрыла ему рот ладонью.

Рука у неё была холодная и пахла золой.

Элиан не мог вдохнуть. Он смотрел на неё, а она смотрела мимо него — на дверь.

— Папа? — прошептал он.

Мать вцепилась пальцами в его щёки.

— Не отвечай.

За дверью послышался голос:

— Сын.

Так отец называл его только дома. Не ласково, не строго — просто так, будто это слово принадлежало Элиану с рождения и не нуждалось в объяснении.

Мать попятилась. Нож выпал из её руки.

— Ты слышишь? — сказал Элиан.

Она кивнула.

В дверь постучали трижды.

Тук.

Тук.

Тук.

Отец всегда стучал два раза. Элиан помнил это с детства: короткий удар костяшками, пауза, второй удар. Даже в метель, даже с занятыми руками. Трижды он не стучал никогда.

— Открой, — попросил голос. — Я замёрз.

Элиан сделал шаг.

Мать схватила его за рубаху и рванула назад.

— Нет.

— Это он.

— Нет.

— Ты сама слышишь.

— Это не он.

Голос за дверью стал тише:

— Элиан, мне больно.

Юноша перестал дышать.

Слово отозвалось в нём сильнее любого крика. В нём была мука отца — или то, что умело говорить его голосом. Элиан почувствовал её всем телом: тяжесть в груди, ломоту в руках, холод, расползающийся от ступней к сердцу.

Он уже протянул руку к засову, когда мать ударила его по лицу.

Удар вышел слабым, почти беспомощным. Но Элиан отступил.

Мать заслонила дверь собой.

— Если ты откроешь, — сказала она, — я больше не увижу тебя.

— Что там?

— Не спрашивай.

— Что случилось с отцом?

Она закрыла глаза.

За дверью заскребли. Медленно, терпеливо. Не ногтями — чем-то твёрдым, тонким. По дереву прошёл звук, от которого свело зубы.

— Он ушёл в лес, — сказала мать.

— Почему?

— Потому что должен был.

— Кому?

Она открыла глаза. В них стояли слёзы, но лицо оставалось сухим.

— Не произноси этого имени.

— Чьё имя?

Мать прижала палец к губам.

За стеной снова раздался голос:

— Марта.

Элиан вздрогнул. Отец не называл мать по имени при нём. Никогда.

— Марта, я вернулся.

Мать зажала уши ладонями.

— Убирайся, — сказала она двери. — Убирайся от моего дома.

Скреб прекратился.

Наступила тишина.

Так быстро, что Элиан услышал, как в печи лопнуло полено.

Потом голос произнёс:

— Ты обещала.

Мать согнулась, словно ей в живот вонзили нож.

Элиан бросился к ней, но она сама выпрямилась. Дрожь прошла по её плечам и исчезла.

— Я ничего тебе не обещала, — сказала она.

— Обещала.

— Я отдала, что могла.

— Элиан остался.

Мать посмотрела на сына.

Впервые за всю ночь он увидел в её глазах не только ужас, но и вину.

— Не трогай его, — прошептала она.

— Тогда открой.

Элиан не знал, кому принадлежал этот голос — отцу или тому, что стояло за дверью. В комнате сделалось тесно от их дыхания.

Мать шагнула к печи и вытащила из-под неё тяжёлую кочергу. Держала её обеими руками.

— До рассвета дверь не открывать, — сказала она. — Что бы ты ни услышал.

— А если он правда там?

— Его там нет.

— Ты не можешь знать.

— Могу.

За окном поднялся ветер. Ставни задрожали. В щели под дверью показалась тонкая чёрная нить, похожая на корешок. Она шевельнулась, втянулась обратно и исчезла.

Элиан отступил.

Мать задвинула второй засов, потом придвинула к двери сундук. После этого села на пол возле печи и прижала к груди пустую кружку.

До рассвета она больше не сказала ни слова.

Голос тоже молчал.

Но лес не затихал. В нём ломались ветви, хотя ветра почти не было. Где-то далеко кричал зверь. Иногда по крыше проходил шорох, будто сверху медленно ползли тяжёлые пальцы.

Элиан сидел напротив матери и смотрел на дверь.

Он думал об отце, о кроликах, о лисе в овраге. О боли, которая не принадлежала ни одному живому существу, но проходила через всех. Под утро ему почудилось, что под домом кто-то дышит.

Когда в щели ставен появился бледный свет, мать наконец поднялась.

На востоке серело.

Она подошла к двери, долго стояла, прислушиваясь, затем сняла верхний засов. Помедлив, отодвинула второй и оттащила сундук.

— Не выходи, — сказала она.

Но сама вышла во двор.

Элиан смотрел через окно.

Мать остановилась у порога. На земле, прямо перед дверью, тянулась свежая борозда. Она уходила к дороге, а затем поворачивала в сторону леса.

У порога, в начале борозды, лежал дубовый лист.

На его бурой поверхности проступал тёмный знак: ладонь, перечёркнутая корнями.

Мать увидела его и выронила кружку.

Раздался глухой звон.

ГЛАВА 2. Ладонь и корни

Мать не наклонилась за кружкой. Она стояла, глядя на лист, будто тот мог подняться и заговорить.

Элиан вышел следом.

Холод сразу забрался под рубаху. Небо над Вереском было белым, без единого просвета. На пустоши лежал иней, и в нём чёрная борозда выглядела свежей раной. Она начиналась у порога, пересекала двор и уходила между кустами можжевельника к лесу.

— Не трогай, — сказала мать.

Элиан уже присел.

Лист был дубовый, крепкий, хотя дубы сбрасывали листву почти месяц назад. Знак на его поверхности казался не нарисованным, а вдавленным внутрь: ладонь с растопыренными пальцами, через которую проходили тонкие корни.

— Это знак нашего рода?

Марта не ответила.

— Мама.

— Вернись в дом.

— Кто его оставил?

Она наконец посмотрела на него. Лицо её стало серым.

— Тот, кто не должен был вспомнить.

Элиан поднял лист. Кожа на пальцах мгновенно онемела. Из ладони боль прошла в плечо, затем в грудь — короткая, глубокая, как от укуса промёрзшего железа. Внутри листа что-то шевельнулось. Не сок. Не жизнь. Память о корнях, вцепившихся в землю.

Он выронил находку.

Марта подхватила лист кочергой, отнесла к печи и бросила в огонь. Дубовая пластинка задымилась, но не загорелась. Знак почернел, выступил над поверхностью, словно ожог.

Мать схватила щипцы и прижала лист к углям.

— Что ты обещала? — спросил Элиан.

— Иди к Мартену.

— Ты слышала его голос.

— Иди к Мартену.

— Это был отец?

Марта резко повернулась. В её руке дымился лист.

— Если хочешь остаться живым, не задавай этот вопрос у открытой двери.

Лист так и не сгорел. Марта завернула его в тряпицу и протянула сыну:

— Покажи Мартену. Сам больше не трогай.

Выпустив Элиана, она снова заперла дом, хотя за порогом уже стоял день.

В лечебнице Мартена пахло горечавкой, воском и сырой шерстью. Старик сидел у стола, перебирая связки трав. Когда Элиан рассказал о голосе и показал обожжённый лист, наставник не удивился. Только снял очки и протёр их краем рукава.

— Где мать нашла это?

— Перед дверью.

— Значит, тот, кто положил, хотел, чтобы она увидела.

— Ты знаешь знак?

Мартен долго смотрел на ладонь, перечёркнутую корнями.

— Знаю.

— Что он означает?

— Что пора закрывать окна.

— Ты тоже будешь молчать?

— Буду.

Элиан ударил кулаком по столу. Банка с сушёной мятой подпрыгнула.

— Все знают, кроме меня!

Мартен не вздрогнул.

— Не все. А те, кто знает, слишком долго молчали.

— Тогда скажи хоть что-нибудь.

Старик взял лист щипцами и поднёс к свече. Огонь просветил его насквозь. В прожилках проступила тёмная сеть.

— Вейры когда-то отвечали за межу, — сказал он. — За то, чтобы лес оставался лесом, а люди — людьми.

— Какую межу?

— Ту, которую ты уже видел.

Элиан вспомнил ледяные нити под шкурой лисы.

— Корни?

Мартен потушил свечу.

— Сегодня утром у старосты пала корова. Пойдём.

Дом старосты стоял в центре деревни, за низким плетнём. Перед воротами уже собрались люди. Никто не работал. Женщины держались кучками, мужчины говорили вполголоса, поглядывая на лес.

Корова лежала в хлеву на боку. Её брюхо не вздулось, глаза оставались ясными. На шее не было ни укуса, ни царапины. Сено под мордой было сухим и чистым.

Староста Геллен Эстен стоял у стены, сжав в руке шапку.

— Вчера ещё ела, — сказал он. — Утром нашёл вот так.

Мартен присел возле туши, потрогал язык, осмотрел дёсны. Потом поднялся.

— Яда не вижу.

— А что видишь? — спросил Геллен.

Старик посмотрел на Элиана.

Тот уже знал, что увидит.

Он опустился на колени и положил ладонь корове на плечо.

Боль пришла тяжёлой волной.

Животное умирало не от удушья и не от жара. В мышцах коровы лежал разлитый холод. Он тянулся к сердцу тонкими жилами, заставлял кровь густеть. Элиан ощутил тёмную воду, бегущую под землёй, и множество корней, которые пили её жадно, до последней капли.

Из горла у него вырвался хрип. Он отнял руку и сел на солому.

— Что с ней? — спросил староста.

Элиан вытер рот рукавом.

— Она пила из общего корыта?

— Как все.

— Воду откуда брали?

— Из колодца.

Мартен резко посмотрел на него.

— Не спеши.

— Я чувствую то же, что у зверей.

— Чувствуешь — не значит понимаешь.

— Тогда проверь воду.

Геллен велел принести ведро. Вода была прозрачной, с тонкой плёнкой на поверхности. Пахла железом и мокрой корой.

Мартен опустил в неё серебряную ложку. Металл не потемнел. Старик попробовал воду кончиком языка и сразу сплюнул.

— Горькая, — сказал он.

— В колодце всегда была такая, — возразил староста.

Элиан взял ведро обеими руками.

Боль ударила сильнее, чем прежде.

На мгновение он перестал видеть хлев. Перед ним развернулась земля — не сверху, а будто изнутри. Под колодцем текла чёрная жила. Она проходила под домами, под дорогой, дальше, к лесу. В воде чувствовалось то же терпеливое усилие, что и в больных животных: холодные корни тянулись вверх, искали живое, впивались в него.

Он выпустил ведро.

Вода растеклась по соломе, и корова дёрнула копытом, хотя была мертва.

— В ней то же самое, — сказал Элиан.

В хлеву стало тихо.

Староста перекрестился по старой привычке, хотя давно называл себя человеком рассудительным.

— Что именно?

— Боль.

— У воды не бывает боли.

— Теперь бывает.

Мартен встал между ним и людьми.

— Никто не пьёт из этого колодца, пока я не проверю источник.

— А чем поить скот? — спросила женщина у двери.

— Ведите к ручью.

— Ручей замёрз.

— Разбейте лёд.

— Там вода хуже, — тихо сказал Элиан.

Мартен повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь?

Юноша не ответил. Он всё ещё ощущал под подошвами далёкое движение. Боль расплзалась не от одного колодца. Она шла по воде, как чернила по ткани.

К полудню пала ещё одна корова, затем две овцы. В деревне перестали выпускать животных из хлевов, но это не помогло. Те, кто пил утром, лежали на соломе и тяжело дышали. Некоторые поднимали головы, глядели на стены, словно слышали под ними шаги.

К вечеру повалил снег; у вырубок за ночь уже намело сугробы. После заката пришёл углежог Тарен.

Он ввалился в лечебницу, весь в саже, с обмороженными усами. За ним стояла его жена, державшая на руках мальчика.

— Мартен, — сказал Тарен. — Нужны люди.

— Что случилось?

— Рут и Бран не вернулись с вырубки.

— Когда ушли?

— Вчера до рассвета. Должны были прийти к вечеру.

— Может, задержались у ям.

— Я ходил туда.

Тарен поставил на пол фонарь. Рука его дрожала.

— Две печи стоят холодные. Уголь не вынут. Следы идут к лесу.

— На них могли напасть волки, — сказал Мартен.

— Волки не снимают сапоги.

Он достал из-за пазухи свёрток и развернул его на столе. Внутри лежал сапог. Кожа была разрезана вдоль голенища, будто её вспороли изнутри. На стельке темнела вязкая земля.

Элиан наклонился.

Запах ударил в нос: сырая могила, гниющая древесина, холодная вода.

Он коснулся сапога.

Перед глазами мелькнула чаша. Два человека бежали между стволами, оглядываясь. Один кричал. Другой держал его за плечо. Под снегом двигались корни. Они не росли — ползли, быстро и целеустремлённо, поднимая землю. Рут споткнулся. Бран потянул его назад.

Потом лес сомкнулся.

Элиан отдёргнул руку и ударился спиной о стену.

— Где они? — спросил Тарен.

— Я не знаю.

— Ты видел.

— Нет.

— Ты видел, — повторил углежог. В его голосе появилась злость, потому что страху требовалось во что-то превратиться. — Говорят, ты трогаешь зверей и знаешь, что у них внутри. Посмотри ещё раз.

Мартен встал перед юношей.

— Довольно.

— Моя жена принесла сына к тебе, когда тот кашлял кровью. Ты спас его. Значит, можешь найти моих братьев.

— Не могу вернуть тех, кого уже забрал лес.

Тарен замер.

Мартен, будто сказав лишнее, отвёл взгляд.

Элиан увидел это.

— Ты знаешь, что с ними случилось.

— Знаю только, что туда нельзя идти.

— А если они ещё живы?

— Тогда им уже не помочь.

— Ты сам не веришь своим словам.

Старик сжал губы. Тарен забрал сапог и вышел, не попрощавшись.

Мальчик у двери начал плакать. Его мать прижала ребёнка к груди и прошептала:

— Не ходи к дубу, Элиан.

— Какому дубу?

Но женщина уже ушла.

На рассвете он нашёл старый дуб у северной окраины Вереска. Дерево росло на пригорке, одиноко, с толстым стволом, рассечённым молнией. Старики говорили, что оно стояло здесь до первых домов.

На коре проступил тот же знак.

Не вырезанный ножом. Он выступал из древесины тёмными влажными линиями. Ладонь занимала почти половину ствола, а корни пересекали её запястье и уходили вниз, в землю.

Вокруг дуба собрались люди. Никто не подходил близко.

Марта стояла у самого края толпы. Увидев сына, она закрыла лицо платком.

— Ты не должен был приходить, — сказала она.

— Это знак нашего рода?

— Он старше нашего рода.

Элиан приблизился к дереву.

Под корой билось что-то медленное. Он слышал это не ушами — кожей ладони. Дуб болел. Его корни были холодными, забитыми той же чёрной водой, что текла под колодцем.

Он протянул руку.

— Не смей, — крикнула мать.

Но было поздно.

Пальцы коснулись коры.

Боль обрушилась на него так, что он упал на колени. В дубе жили сотни лет чужого страха: засухи, голод, топоры, кровь у корней. Сквозь всё это пробивалось одно чувство — ожидание. Дерево ждало того, кто должен был прийти.

И знало его имя.

Элиан слышал шёпот, похожий на шелест листьев:

— Вейр.

Он отнял руку.

На ладони остался тёмный след, точно отпечаток корешков.

Когда Элиан поднялся, внизу, у дороги, закричали.

Из деревни бежала девочка. В руках она несла глиняный кувшин.

— Вода! — кричала она. — Вода из ручья!

Кувшин выскользнул и разбился. По промёрзшей земле разлилась тонкая лужа.

Элиан почувствовал её сразу.

Та же боль. Та же чёрная жила, уходящая к лесу.

Он посмотрел на Мартена.

— Это уже не один колодец.

Старик медленно кивнул.

За дубом, в глубине Чёрного леса, раздался глухой треск. С ветвей посыпался иней, хотя ветра не было.

Марта подошла к сыну и сжала его руку — ту, на которой темнел знак.

— Теперь он сможет чувствовать тебя через метку, — сказала она.

— Кто?

Она посмотрела на лес.

— Тот, кому твой отец отказал.

ГЛАВА 3. Отцовский сундук

Элиан не сводил глаз с леса.

— Чего он хотел?

Марта ответила не сразу. В её пальцах дрожала его рука, но держала она крепко, словно боялась, что сын исчезнет вместе с туманом.

— Не здесь, — сказала она. — Идём домой.

— Я не ребёнок.

— Поэтому и идём.

Мартен отослал людей по домам, велел никому не пить из колодцев и не ходить к лесу. Его слушались плохо. Страх уже расползлся по Вереску быстрее любой хвори: женщины запирали двери, мужчины проверяли засовы, а у хлебов ставили ведра с чистым снегом. Снег таял, превращаясь в серую воду, но другого у них не было.

Марта шла впереди. Не оглядывалась. Элиан видел, как под её шерстяной шалью напрягались плечи.

В доме она первым делом закрыла ставни, потом подбросила в печь полено. Огонь вспыхнул, осветив закопчённые стены, стол, пустую кружку, которую мать всё ещё не убрала с подоконника.

— Теперь говори, — сказал Элиан.

— Сначаланими сапоги.

— Мама.

— Ты весь в снегу.

— Мне плевать на снег.

Марта повернулась к нему. На лице её было такое выражение, будто она много лет стояла у края провала и наконец услышала, как осыпалась земля.

— Твой отец ушёл не из-за ссоры, — сказала она.

Элиан почувствовал, как в груди сжалось то место, где ещё оставалась надежда. Он привык думать, что отец просто бросил их. Ушёл однажды утром, не попрощавшись, оставив после себя топор, пустую полку и запах дыма в прихожей. Мать говорила: «Он должен был вернуться». Потом перестала говорить вовсе.

— Куда он ушёл?

— В лес.

— Я знаю.

— Нет. Ты не знаешь.

Марта подошла к печи и сняла с гвоздя связку ключей. Долго перебирала их, хотя нужный был один — ржавый, с погнутым ушком.

— Когда ты родился, — продолжила она, — отец уже был связан с лесом.

— Как связан?

— Род твоего отца хранил межу. Так это называли раньше. Между людьми и чащей. Между тем, что растёт, и тем, что пожирает.

Она вставила ключ в замочную скважину, спрятанную под лавкой. Элиан никогда её не замечал. Доска подалась с сухим щелчком.

В полу открылось узкое отделение.

— Здесь был сундук, — сказала Марта.

— Был?

— Его отец перенёс в стену, когда понял, что за домом следят.

Она вынула из тайника свёрток, завернутый в промасленную ткань. Внутри оказался небольшой железный ключ и клочок бумаги. Бумага пожелтела, края её обуглились.

На ней стояло всего несколько слов:

«Тому, кто спросит о корнях».

Элиан поднял глаза.

— Где сундук?

Марта указала на стену возле печи.

— За камнями.

Он отодвинул стол, затем снял со стены старую циновку. За ней обнаружилась кирпичная кладка, неровная, замазанная глиной. Элиан взял кочергу и ударил по шву.

Первый камень не поддался. Второй треснул. Из щели посыпалась известь.

— Осторожнее, — сказала Марта.

— Ты прятала это столько лет и просишь осторожнее?

Он ударил снова. Кирпич вывалился, за ним другой. В стене чернел узкий проём. Оттуда тянуло холодом и старой древесиной.

Элиан просунул руку внутрь и нащупал крышку.

Сундук оказался небольшим, окованным почерневшим железом. На крышке проступал знак Вейров — ладонь, рассечённая корнями. Замок открылся без усилия, словно ждал ключа.

Внутри лежали свёрнутые карты, две стеклянные склянки с засохшими травами, костяная рукоять ножа и тёмно-синий дневник. Кожа на обложке потрескалась. На ней не было имени.

Элиан взял дневник.

В тот же миг в печной трубе что-то заскребло. Огонь пригас. По комнате прошёл запах сырой земли.

Марта быстро накрыла сундук тканью.

— Не читай вслух.

— Почему?

— Потому что стены слушают. Особенно слова клятвы.

— Стены не слушают.

— Сегодня ты слышал, как дерево знает твоё имя.

Ответить было нечего.

Они поставили дневник на стол. Марта зажгла две свечи, хотя ещё не стемнело. Окна оставались закрытыми, но снаружи по ставням время от времени проходил тихий царапающий звук. Будто ветка водила по дереву одним и тем же пальцем.

Элиан раскрыл дневник.

Первые страницы были исписаны мелким, плотным почерком. Чернила в дате выцвели так сильно, что её почти невозможно было разобрать. Рядом с записями встречались рисунки: корни, чаши с водой, камни, сложенные в круг. Некоторые строки были перечёркнуты.

«В год великого голода Вейр Ладен пришёл к сердцу чаши. Люди умирали, колодцы высохли, зерно сгнило в амбарах. Он просил не богатства, а ещё одной зимы».

Дальше чернила расплылись.

«Хозяин Корней ответил. Лес дал воду, дичь и семена. Взамен род Вейров принял обязанность: один из крови должен был стать хранителем. Он не мог покидать чашу без дозволения, не мог брать у леса больше необходимого и не мог позволить людям осквернить старые рощи».

Элиан медленно перелистнул страницу.

— Хозяин Корней, — произнёс он. — Это тот, о ком ты говорила?

Марта стояла у печи, не снимая шали.

— Так его называли.

— Ты видела его?

— Нет.

— Отец видел?

Она закрыла глаза.

— Твой отец видел достаточно.

В дневнике говорилось, что хранитель становился посредником. Он мог чувствовать воду под землёй, различать боль зверей, удерживать болезнь у границы леса. Но дар не был подарком. Лес забирал взамен память, годы, человеческие привычки. Хранитель постепенно переставал принадлежать дому.

На полях кто-то приписал:

«Сначала забываешь запах хлеба. Потом лицо того, кого любил. Последним уходит собственное имя».

Элиан убрал руку от страницы.

— Это ложь.

— Хотелось бы.

— Почему ты ничего не сказала?

— Потому что ты был ребёнком.

— А теперь?

Марта посмотрела на чёрный след на его ладони.

— Теперь лес назвал тебя.

Он снова склонился над дневником. Между страницами обнаружился засохший дубовый лист. Такой же, как найденный утром, только старше: тонкий, почти прозрачный, с чёрными прожилками.

Под листом лежала записка отца.

Почерк Элиан узнал сразу. Отец писал неровно, нажимая на перо так, что бумага местами была порвана.

«Марта, если ты читаешь это, значит, я не успел. Не отдавай ему мальчика. Пусть думает, что я ушёл из страха, из злости, из любой человеческой причины. Только не говори ему правду, пока корни не проснутся».

Ниже несколько слов были залиты водой.

«Я нашёл способ разорвать связь. Если не вернусь, не ищи меня. Я сам пойду к сердцу и заберу долг на себя».

Элиан перечитал записку дважды.

— Он знал?

— Да.

— Знал, что лес придёт за мной?

— Знал, что после его смерти очередь перейдёт к тебе.

— Поэтому ушёл?

Марта кивнула.

Внутри у Элиана поднялось что-то горячее и злое. Он сжал кулаки, но злость не находила выхода. Отец оставил их. Отец спасал его. Обе мысли были правдой, и от этого становилось только хуже.

— Почему ты позволила ему уйти?

— Я не позволила.

— Тогда остановила бы.

— Он запер меня в погребе.

Марта отвернулась.

— Ночью я слышала, как он рубит что-то во дворе. Вышла — он уже тащил к лесу мешок с инструментами. Я сказала, что пойду с ним. Он ударил меня.

Элиан поднял голову.

— Отец тебя ударил?

— Один раз. Ладонью. Не сильно. Хуже было не это. Он сказал: «Если пойдёшь следом, я сам отдам тебя корням».

Марта провела пальцами по краю стола.

— Он думал, что сможет перерубить корень, связывающий хранителя с сердцем леса. Думал, что договор держится на одном человеке. Но договоры, заключённые с древними существами, редко бывают такими простыми.

— Что случилось потом?

— На рассвете он вернулся к двери. Не вошёл. Сказал, что всё кончено. Теперь думаю: он только проверял путь для чужого обряда.

— А ты поверила?

— Я хотела поверить.

Она взяла последнюю страницу дневника. На ней не было записей, только выжженный отпечаток ладони.

— Через три дня он исчез. Сказал, что идёт за ольховой корой.

— А ты что обещала тому, кто приходил ночью?

Марта стиснула край страницы.

— После его исчезновения я оставила у межи наш зимний запас зерна. Просила только, чтобы лес не звал тебя. Сказала: всё, что могу отдать, отдала. Никого из вас я не обещала. Голос сделал из моей просьбы долг.

За окном раздался тихий стук.

Один раз.

Потом второй.

Элиан поднялся.

Марта вцепилась ему в рукав.

— Не подходи.

Стук повторился. Теперь он шёл от стены возле печи.

Изнутри.

Элиан почувствовал холод раньше, чем увидел движение. По треснувшей кладке протянулась тонкая чёрная линия. Она ползла между кирпичами, выбираясь из тайника, где ещё недавно лежал сундук.

Марта схватила дневник и прижала к груди.

— Что ты сделал?

— Ничего.

— Ты открыл его.

— Он был закрыт не от меня.

Чёрная линия дрогнула. Из щели выступил корешок — тонкий, мокрый, живой. Он пробил глину и медленно потянулся к столу.

Элиан отступил.

Корень остановился у дневника.

Снаружи, далеко за домами, протрубил олень. Ему ответил другой голос — низкий, хриплый, похожий на человеческий.

Марта побелела.

— Он знает, что ты нашёл записи.

— Кто?

— Тот, кому отказал твой отец.

Корень коснулся ножки стола. Дерево почернело.

Элиан схватил дневник, сунул его под рубаху и попятился к двери.

— Мы должны идти к Мартену.

— Нет.

- Он знает, что делать.
- Мартен знал всё это и молчал.
- Тогда заставим его говорить.

Марта посмотрела на огонь. В печи полено рассыпалось, и под золой проступили красные угли.

— Твой отец просил меня не говорить тебе, пока не появится знак, — сказала она. — Я думала, это будет знак на дубе. Или голос у двери. Но он оставил ещё одно условие.

- Какое?
- Если лес назовёт тебя по имени, ты должен сам выбрать, кому принадлежишь.
- А если я не выберу?

Корень с сухим щелчком обвился вокруг ножки стола.

Марта подняла на него глаза.

- Тогда лес выберет за тебя.

В дверь постучали.

Элиан и Марта одновременно повернулись.

За дверью стоял Мартен.

- Откройте, — сказал старик. — Быстро. У нас мало времени.

Марта не двинулась.

- Откуда ты знаешь, что мы дома? — спросил Элиан.

За дверью повисла пауза.

- Потому что твой отец оставил мне вторую половину дневника.

Элиан посмотрел на мать.

В этот момент из-под пола донёсся глубокий удар. Дом вздрогнул. Со стола посыпалась пыль, а в стене разом лопнули все кирпичные швы.

Мартен крикнул:

— Элиан, не открывай сундук снова! Что бы ни случилось, не называй себя в ответ на его зов!

Но было поздно: из-под дома, из-под дороги, из-под самого Вереска поднялся протяжный скрежет. Почва застонала, будто под ней просыпалось огромное, терпеливое существо.

Элиан прижал дневник к груди.

И впервые подумал, что отец ушёл в лес не для того, чтобы спастись от него.

Он ушёл туда, чтобы стать между сыном и тем, что теперь возвращалось за долгом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.